

The book cover features three characters standing in a medieval town square. On the left is a man in a dark red and black leather tunic with a large, ornate collar. In the center is a woman with long, wavy brown hair, wearing a purple and gold patterned gown. On the right is a man in a dark leather tunic and boots. The background shows a half-timbered building. The entire cover is framed by a decorative border of purple thistles and grapevines.

Жика Мин

Горький вкус
вереска.
Книга 2

18+

Ника Тин

Горький вкус вереска. Книга 2

<https://litres.ru/74003548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы защитить свой тайный союз с Кэтрин, Кеннет решается на невозможное — он ищет признания у отца, который когда-то от него отрекся. Однако прошлое оказывается запутаннее, чем он думал, а настоящее превращается в золотую клетку. Тщеславный Лотер жаждет мести, и в его руках — власть, способная разрушить жизнь Кеннета одним росчерком пера.

Связанный клятвами, от которых нельзя отречься, и преследуемый врагом, Кеннет понимает: единственный шанс на счастье — это побег. Но в самый ответственный момент всё идет не по плану.

Хватит ли сил у обычного лейтенанта против опасного интригана и королевского гнева?

Ника Тин

Горький вкус вереска. Книга 2

1 Глава. Неожиданное предложение

Кэтрин старалась не унывать, несмотря на то, что разлука с Кеннетом казалась ей тягостной, как никогда прежде. Раньше его отъезды не воспринимались ею так остро и не тревожили сердце так, как в этот раз. Но она, старалась отвлечь себя тем, что продолжала готовить свадебное приданное. Девушка не сомневалась в том, что, даже если Кеннету и не удастся добиться справедливости у Монтгомери, она найдёт доводы, чтобы убедить своего отца не идти против данного им когда-то слова Вильяму Уэсли.

Они сидели в комнате Кэтрин, друг против друга; Анна, её молоденькая служанка кропотливо работала над приданным своей госпожи, Кэтрин подавала ей рюши и иголки, наблюдая, как в ловких пальцах девушки рождаются поистине прелестные вещицы. Анна была немногим старше, совсем недавно ей исполнилось двадцать лет, и она, как все девушки это-

го возраста, мечтала о любви и о том, чтобы поскорее выйти замуж. Поэтому все её разговоры сводились к тому, как же повезло Кэтрин с избранником. Она, не умолкая, рисовала Кэтрин прекрасные картины будущего рядом с таким заботливым и чутким супругом, каким непременно окажется сэр Кеннет.

Кэтрин так и подмывало поделиться с ней своей тайной, как с единственной подругой, но она не смела. Молодожёны поклялись до поры до времени держать это в секрете. Достаточно того, что это стало известно отцу невесты. И всё же было невмозможу сдерживать ту радость, что переполняла сердце, когда она вспоминала об обручальном колечке, которое ей пришлось временно снять и хранить в шкатулке, чтобы не вызвать подозрений у окружающих.

Был погожий летний день, солнце стояло в зените, и её взор всё чаще обращался в открытое окно, с тоской скользя по бескрайним далям, простирившимся широко за пределами замковых стен. Как бы ей хотелось сейчас нестись вперёд верхом на своём коне, рассекая воздух, чувствуя свободу, и то, как ветер развеивает её волосы и обдувает разгорячённые щёки, как высокая сочная трава щекочет ей босые ноги. Но отец и не думал отменять наказание. Напротив, теперь ей было запрещено и вовсе покидать замок, даже во двор и в конюшню. Единственным занятием, доступным ей, оказалось ненавистное шитьё. Из раздумий её вывел голос Анны.

– Миледи, будьте добры, подайте мне вон то, широкое

кружево. Да, его. – Кивнула она, когда пальцы Кэтрин коснулись белоснежной полоски, покоящейся в корзинке среди многих других. – Мне кажется, оно будет тут как нельзя кстати. Сэр Кеннет не сможет оторвать от вас глаз, – лукаво улыбнулась она, прикладывая кружево к шёлковой ночной рубашке, которую ныне дошивала.

– Ну а ты, Анна, не повстречала ещё того единственного?

Девушка подняла на неё свои голубые глаза и с едва заметной улыбкой произнесла.

– Да разве можно встретить ещё такого, как сэр Кеннет. Я тоже хочу, чтобы обо мне заботились и любили. А вокруг лишь лицемеры и хвастуны. Всем им только одного и надо, миледи!

– Только одного?

– Ну да. Поцелуи, ласки и ночи на сеновале, а потом того и гляди бросят с ребёнком на руках и все дела.

Кэтрин заинтересованно взглянула в её лицо, желая узнать побольше обо всём таком, о чём не слишком распространялась матушка. Да, после помолвки, она проводила с дочерью беседу и скромно поведала о том, что нужно не бояться супружеского долга, и если муж будет терпелив, то всё пройдёт хорошо.

Прежде Кэтрин не раз была свидетелем, как спариваются лошади, и, разумеется, присутствовала при выжеребке, так что кое-какие понятия у неё имелись. И всё же...

– Если отдаваться мужчине, то беременность неминуема?

– допытывалась она.

Анна пожала плечами.

– Я бы рисковать не хотела. Хотя я слышала, как Кирсти, наша кухарка, в разговоре с Дэвеной как-то обмолвилась, что знает средства.

– В самом деле?

– Вам-то, миледи, зачем? – недоумевая, воскликнула девушка и широко улыбнулась. – Вы-то должны, напротив, употреблять травы, способствующие зачатию! Уверена, у вас с сэром Кеннетом будут чудесные ребятишки, и я с удовольствием буду их нянчить!

– Ты поедешь со мной в Авимор?

– Ну, конечно, миледи! На кого я вас оставляю? Кому смогу доверить заботу о вас и ваших детях?

Кэтрин невольно улыбнулась, чувствуя, как щёки заливают краска неловкости, ведь откровенность Анны, заставила смутиться. Хоть она и стремилась поскорее замуж, но всерьёз о детях подумала только сейчас.

– Ты уже целовалась? Расскажи! Что ты чувствуешь в этот момент?

Анна мечтательно улыбнулась, отложив в сторону шитьё, и прикусила губу, загадочно сверкнув глазами, нарочно оттягивая время, чтобы заставить госпожу сгорать от любопытства. Она уже готова была пуститься в подробные описания своих ощущений, как снаружи послышался какой-то шум.

Заскрежетали отворяемые ворота, и во двор ворвался гул

голосов, бряцание упряжи и чеканный стук подков о мощёную площадку.

Кэтрин, позабыв свой интерес, метнулась к окну, высунувшись, чтобы получше разглядеть прибывших. Несколько всадников, верхом на прекрасных английских лошадях ворвались во двор.

– Кто там, миледи? – воскликнула Анна, тут же оказавшись рядом.

– А чёрт его знает! – буркнула Кэтрин, с не меньшим любопытством пытаясь рассмотреть герб, на развевающемся знамени, в руках одного из всадников. Какая-то птица, парящая над красным солнцем, помещённым меж перекрещенных мечей на синем фоне. В геральдике она была явно не сильна. – Поди, узнай.

– Да, миледи, – согласилась горничная и поспешила из комнаты.

Кэтрин же тщетно пыталась рассмотреть прибывших, они не особо торопились спешиваться и проходить в холл, однако, судя по тому, что подбежавший конюх держал лошадь под уздцы, кто-то всё же уже вошёл.

В тревожном предчувствии она оставалась на месте томимая длительным отсутствием Анны. И куда она запропастилась?!

Нетерпение вынудило Кэтрин выйти из комнаты, услышав в холле шум суматохи. Очень осторожно, чтобы не попасться кому-либо на глаза, она тихонько двинулась вниз, и тут с

лестницы увидела дворецкого – он спешил в покои её матери Елены.

– Финдли, что происходит, что за шум? – окликнула его Кэтрин. – Кто это приехал? Кто все эти люди?

– Граф Бредфорд пожаловали к его милости. Я проводил его в библиотеку, миледи.

– Граф Бредфорд? – переспросила Кэтрин, тщетно пытаясь припомнить его персону, среди знакомых отца. Она недоумевала, что могло послужить поводом для столь торжественного визита. Ну, разве что он не получил предупреждения об отсрочке празднества, которое должно было состояться завтра, и явился поздравить молодых.

Всё ещё задумчиво бормоча его имя, Кэтрин терзалась любопытством. Девушке неприлично было совать свой нос в отцовские дела, но интерес толкнул её на дерзкую выходку. Стараясь не подавать вида, что заинтересовалась визитёром, неторопливо двинулась наверх и, улучив момент, когда дворецкий отвлёкся на подошедшего слугу, юркнула в крыло, где располагалась библиотека.

Генри Лиднлоу разбирал отчёт, предоставленный ему секретарём, когда дворецкий Финдли нарушил их деловой разговор и с извинениями, доложил о визите гостя.

– Ваша милость, граф Бредфорд, просит незамедлительно принять его, говорит это дело большой важности.

Он поднял взгляд на него, оторвав от разложенных на столе учётных книг, сделав знак секретарю помолчать.

Старенький скрюченный мужчина тут же умолк и так же воззрился с любопытством на Финдли.

– Граф Бредфорд? – переспросил Генри Лиднлоу, пытаясь вспомнить, о ком речь.

– Да, милорд. Если быть точным, Лотёр де Тальви, граф Бредфорд и наследный герцог Реймс.

Барон был удивлён. Оказывается, этот негодяй – высоко-родный вельможа. Видимо, оттого он так бессовестно вёл себя всё это время, полагая, что его высокое положение при английском дворе даёт ему право поступать, как ему заблагорассудится и здесь, на шотландской земле. Барон прекрасно помнил его неблагоприятные поступки и то, как нелестно отзывалась о нём его дочь. Также не был забыт разговор с Кеннетом, когда тот обвинял Лотера в рассылке анонимок. Так ли это? Отчего-то у сэра Генри не было охоты выяснять это сейчас. У него вообще не было желания выслушивать визитёра, ведь памятуя о его недавних подвигах, единственное, чего хотел барон, так этот отомстить за свою дочь. Однако слово, данное ей, не связываться с ним, дабы не накликать ещё большей беды, удерживало его от желания задать трёпку этому мальчишке. Как вообще ему хватило смелости ступить в Дафмри после организованного похищения Кэтрин!

От возмущения его лицо покраснелось, дыхание стало тяжёлым, и он громко, чтобы было слышно и за пределами библиотеки, заявил:

– Что-о? Этот сопляк имеет наглость появляться тут?!

Пусть убирается вон, пока я не поквитался с ним!

Финдли ничего не оставалось, как вернуться и передать Лотеру, что барон не сможет его принять. Но юноша не собирался так легко отступить. Он проделал неблизкий путь, и визит его был официальным.

– Передайте ему, что разговор, который я имею к нему, чрезвычайной важности. И прежде всего, в его интересах.

– Сожалею, милорд, но его милость очень занят. Он не может уделить вам время, – не желая накликать себе на голову неприятности, пытался оправдаться дворецкий, вспоминая разгневанное лицо своего господина.

– Я настаиваю!

– Хорошо, милорд, я попробую...

Когда Финдли вновь оказался в дверном проёме, вынуждая барона в очередной раз оторваться от дел, тот бросил на него недовольный взгляд.

– Ты всё ещё не вышвырнул этого щенка?

– Милорд, он настаивает.

– Вот мерзавец, – пробормотал он, уже более спокойным тоном, и в какой-то момент любопытство взяло верх. Что, собственно, понадобилось этому юнцу здесь? Опять что-то задумал? Что же, есть возможность рассмотреть его поближе. Врагов всегда нужно знать в лицо. Помедлив, он согласен кивнул.

– Веди его сюда.

Когда дворецкий удалился, по знаку сэра Генри убрался

и секретарь.

Через некоторое время возникший на пороге юноша мог видеть барона, как того желал. Он сидел в своём любимом кожаном кресле, за столом, закрыв свои учётные книги и сдвинув их в сторону, чтобы не мозолили глаза.

Молодой человек вошёл и тут же вежливо поприветствовал хозяина. Барон ответил ему кивком головы, но не предложил присесть, рассчитывая, что разговор не затянется надолго. Он внимательно присматривался к этому мальчишке, которого видел лишь раз в своей жизни, когда тот волею случая оказался раненым в его доме. Если не принимать во внимание рассказы Кэтрин о нём, то с первого взгляда юноша производил вполне приятное впечатление и выглядел достаточно безобидным.

Про себя же Лотёр отметил недоброжелательный взгляд Генри Лиднлоу. Несомненно, эта чертовка наговорила о нём невесть что! Что же, возможно, и вполне заслуженно, решил признаться он сам себе. Нарушая затянувшуюся паузу, Лотер начал:

– Милорд, первым делом, я хочу попросить вас извинить моё навязчивое вторжение. Знаю, что я виноват и мой поступок был непростителен... именно поэтому поведу я и пришёл. Нужно объяснить, и я надеюсь на ваше понимание.

Да, образ представшего перед его взором юноши сильно отличался от того, каким описывала его Кэтрин, однако поступок, который он совершил, требовал жёсткого осужде-

ния, и сэр Генри не собирался дать себя одурачить маской раскаяния, которую примерил Лотер. Заметив замешательство в его взгляде, барон жестом предложил ему продолжать.

Лотёр молчал некоторое время, стараясь выдержать облик покорного смирения.

«Напыщенный папаша даже не соблюдает элементарных правил приличия, ясно в кого дочь унаследовала скверный нрав», – мелькнула у него мысль. Он подавил вздох, сохраняя самообладание. и вслух продолжил:

– Сударь, я, правда, сожалею. Вижу, вы мне не верите...

– Давайте по существу, юноша. Что за разговор?

Лотёр на миг сжал губы, чувствуя, что не сможет долго выносить подобное пренебрежение. Однако понимал, что стоит ему проявить неуважение, как этот никчёмный барончик выставит его вон, и он так и не добьётся того, зачем пожаловал.

– Хорошо. Ваша дочь Кейт, не может выйти замуж за сэра Макдауэла.

– Вот как? – насмешливо спросил его барон. Этот мальчишка явился сюда, чтобы указывать, что ему делать со своей дочерью и кому отдать в жёны? – Это почему же, позвольте узнать?

– Потому... – Лотёр немного замялся. – Сударь не стоит вам играть эту свадьбу. Он недостоин Кейт, по той причине, что обманывает её, но она, конечно же, верит во всё, что бы он ни сказал ей... Одним словом, милорд, сэр Макдауэл

обесчестил мою сестру, и я намерен добиться справедливого решения для него.

Обвинение, которое услышал Генри Лиднлоу, было серьёзным, но он не верил, что Кеннет способен на такую низость. А что до какой-то сестры Тальви, так ему и вовсе не было дела. С какой это стати, этот молодчик решил, что он откажется выдать свою дочь замуж за человека, который якобы кого-то там соблазнил. Этот инцидент и ответственность за него полностью лежит на семье обманутой девушки, а ему это совершенно безразлично. Юноша так горячо говорил о чести своей родственницы, в то время как не раз подвергал поруганию доброе имя его дочери. И он не преминул поставить ему это в укор.

– Вот значит как, справедливого решения для Макдауэла. А что прикажете делать с вами?

– Ну, так вы же хотите выдать за него свою дочь.

– Да. Но я не о том. Вы ищите справедливости для сестры. Но вы сами, что сделали с Кэтрин?

На лице Лотера промелькнуло лёгкое недоумение.

– Что я сделал с Кэтрин?.. Да, я признаю, что украл её из вашего дома, ночью, и против её воли, повёз в Эдинбург, где я встретился ранее с Кеннетом Макдауэлом в обществе моей сестрицы. Я хотел, чтобы Кейт сама их увидела! Она же ничему не хочет верить! – с чувством говорил Лотер. – Сэр Генри, может быть, и вы верите, что Макдауэл просто так содержал постороннюю девушку у себя дома — кстати,

без ведома невесты. Вы же мужчина, сударь... – многозначительно добавил он.

– Я вижу, вы считаете себя таковым, – усмехнулся барон и продолжил. – Сколько времени провела с вами Кэтрин в Эдинбургском дворце? После вы её похитили, и она провела с вами ночь. Вернулась спустя двое суток, в ужасно неприглядном виде... Она сказала, что вы совершили над ней насилие, Тальви. Как вы считаете, что я должен сделать с вами? Какого справедливого суда должен потребовать для вас? – решил полюбопытствовать он, поставив Лотера в похожее положение, в котором тот обвинял Кеннета.

Но Лотёр опешил.

– Насилие... Что значит насилие?! Что вы имеете в виду, сударь?! – требовательно спросил он.

Сэр Генри не желал углубляться в пояснения. Для него насилием был тот факт, что юноша удерживал его дочь в своих покоях, и только за одно это, он мог требовать удовлетворения. Но к этой мере не пришлось прибегать, Кейт клялась, что Лотёр её не тронул, а Кеннет, со своей стороны зная о происшествии, не отказался от женитьбы.

– То, что сказал! – ограничился он, сурово глянув на собеседника.

– Значит, она так сказала?..

Лотёр в самом деле выглядел растерянным, ему понадобилось несколько минут, чтобы переварить услышанное.

«Папаша что, имеет в виду то, что он провёл с ней две

ночи?.. Ха, ну конечно! Кеннет в объятиях Антонии на протяжении некоторого времени – это, само собой разумеется, а две ночи с ним в пути – насилие?! О, как хорошо, что этой девчонки тут нет!»

– Что же, сэръ Генри, – Лотёр упёр в него потемневший взгляд. – Тем более, я должен жениться на Кейт.

– Ого, – вырвалось у него. Барон явно не ожидал такого поворота. Всё происходящее напоминало ему какую-то шутку, и он, совершенно сбитый с толку, не нашёл ничего лучшего, как произнести: – Вы об этом ещё не упоминали... продолжайте.

Лотёр почувствовал его настроение, но отступить не собирался.

– Продолжать? Мне остаётся только попросить руки Кейт.

– Вы, в самом деле, любите Кэтрин, или же делаете это из благородства, как настоящий мужчина?

– Милорд, вы всё равно мне не поверите. Это кажется абсурдным... Но давайте будем исходить из того факта, что я не стал бы преследовать Кейт, если бы она была мне безразлична.

Барон несколько не поверил словам стоящего перед ним молодого человека. Это предложение выглядело в его глазах по меньшей мере нелепо. Он не был намерен что-либо менять, по крайней мере, пока, и ответ давать не собирался. Не желая попусту тратить время на болтовню, он решил прояснить ситуацию и заговорил:

– Ладно, юноша, вы всё так хорошо продумали. Вы жени-
тесь на Кейт, Кеннет на вашей сестре, но не учли одного...

Но вот распахнулась дверь и на пороге застыла Кэтрин. Она всё это время стояла тут, прислушиваясь, и когда узнала голос Тальви, разумеется, осталась дослушать до конца. Девушка боялась, что отец вполне мог счесть предложение англичанина более выгодным, чем предложение Кеннета, и, поэтому ворвалась посреди разговора, чтобы не дать случиться непоправимому. Её горящий взгляд впился в лицо Лотера, но она обратилась не к нему, а к отцу.

– Папа! Что этот негодяй здесь делает?!

– Приехал тебя сватать.

– Ч... что? – не веря своим ушам, едва не заикаясь, переспросила она. Кэтрин смотрела в глаза Лотера и не понимала, как может он быть настолько циничным, что готов даже разыграть здесь несуществующие чувства, обманом испросить её руки, и всё ради Антонии. От подобной наглости у неё даже дыхание перехватило, она пыталась собраться с мыслями, но только одна стучала в голове: «Как он посмел перешагнуть порог её дома!»

Кэтрин ждала от него объяснений, но он лишь упрямо смотрел ей в глаза. Затаил дыхание, ожидая услышать привычный поток ругательств от этой «милрой» девушки. Он видел, как она заводится, и ждал, что в следующую секунду начнётся истерика, но не предполагал, что она посмеет поднять на него руку. Звонкая пощёчина обожгла его щёку.

Кэтрин знала, что при отце он не посмеет причинить ей вред, и не преминула этим воспользоваться.

Однако её поведение возмутило Генри Лиднлоу, он не желал, чтобы его дочь и наследница прослыла невоспитанной хамкой. Он даже приподнялся из-за стола, опираясь о него руками, и грозно одёрнул её.

– Кейт!

– А что такого? Он ведь приехал за мной? Я ему не безразлична? Вот мой ответ! Убирайтесь вон, де Тальви!

Лотер, взглянул на мужчину, ожидая его решения. По нему было видно, что то, что он сказал, не было пустой болтовнёй. Но Кэтрин, опасаясь, что отец может дать согласие, старалась как можно скорее вытолкать непрошеного гостя. Она не погнушалась тем, что силой пыталась заставить Лотера уйти.

– Вы не слышали? Вон!

– Кэтрин, прекрати, немедленно! – прогремел рассерженный голос отца. Он поразился поведению дочери, недостойной юной леди. С этим нужно было кончать. – Юноша уйдёт сам. Немедленно.

Лотёр перевел взгляд на Кэтрин. Она снова почувствовала этот пронизывающий взгляд серых глаз. Поймав её руки, упорно выталкивающие его за дверь, Лотёр поднёс пальчики одной руки к губам. После чего отпустил её и снова взглянул на баро-

– Вы смеётесь, сударь... Мне жаль. Находите, чем выразить мне упрёк, и думаете, что поступаете правильно. Что ж, вам виднее. Но позвольте заметить, что, запрещая исполнить мне мой долг, — он многозначительно глянул на Кэтрин и вновь обратил взор на барона, — вы потакаете другому, всего лишь долгу, отдать дочь Макдауэлу, только потому, что так было договорено...

– Кеннет Макдауэл – мой законный супруг! Так что убийтесь, пока он не явился и не вытолкал вас внашею! – презрительно бросила она в ответ на его слова, надеясь, что так до него наконец дойдёт: его интриги разбились в прах, так и не достигнув цели.

Лотёр уставился на неё. Он не поверил, об этом явно свидетельствовал его взгляд и тогда она поинтересовалась:

– Я неясно выразилась?

Лотёр усмехнулся. Эта комедия ему начала надоедать. Супруг! Она уже не знает, как его зацепить. Придумала бы что-нибудь получше.

Отец девушки сохранял мрачное молчание.

Она же не могла дожидаться ухода новоявленного жениха.

И Лотеру ничего не оставалось, как откланяться.

– Что же, всего доброго, сударь, леди, – распрощался он и пошёл прочь, уверенным, твёрдым шагом, полным благородного достоинства.

– О, как же я его ненавижу! – воскликнула девушка, с шумом захлопнув за ним дверь.

– Перестань, Кэтрин! Довольно! Ты ведёшь себя недостойно твоего положения! Это позор!

– Да мне совершенно безразлично, что подумает обо мне этот человек! Я не выйду за него, слышишь? Не выйду! Мой супруг – Кеннет!

– Довольно! Никто не собирается отдавать тебя этому сумасшедшему.

– Никому! Ты забыл, папа? У меня уже есть Кеннет! – с этими словами она выскочила из библиотеки, не желая более слушать нравоучения отца. Она и без него знала, что её поведение непристойно, но как иначе отвадить от себя Тальви?

Спустившись в холл, Лотёр обернулся на шум, доносившийся сверху, и взглянул на дворецкого, услужливо открывшего для него дверь, провожая.

– Передайте барону, что моё предложение остаётся в силе. После чего решительно вышел.

Кэтрин ещё долго не могла прийти в себя от услышанного; она металась по своей комнате, не в силах найти успокоения, и Анна молчаливо наблюдала, как та, возмущённо жестикулируя, мерит шагами комнату. Продолжая свою кропотливую работу, Анна только и успевала, что переставлять корзинку с шитьём с места на место, каждый раз оказывающуюся на пути наматывающей круги Кэтрин.

– Нет, ты представляешь, он осмелился явиться сюда и требовать от отца, чтобы он отказал Кеннету! И всё в угоду своей бессовестной сестрицы! Он ради неё даже готов был

сватать меня! Видела бы ты его! Само благородство! Театральные подмости по нём плачут!

– Миледи, а если его предложение женитьбы на вас никак не связано с желанием устроить жизнь сестры? Вы не допускали мысль, что он заинтересован именно вами?

– Кто? Тальви?! Мной? О, если только ради желания свети меня в могилу! Я ему как кость в горле!

– Вы не считаете себя достаточно привлекательной, чтобы мужчина пожелал вас видеть своей женой, потому что влюблён в вас, а не ради желания причинения вам смерти? – осторожно поинтересовалась девушка, вновь как бы невзначай, принимаясь за прерванную работу.

Кэтрин с удивлением взглянула на свою горничную, затем на мгновение задумалась, бросив взгляд в окно, за которым уже давно скрылся отряд англичанина, как ничего и не бывало.

Влюблён? Тальви? Эта мысль заставила на мгновение замереть её сердце, но она тут же отогнала её прочь. О каких чувствах может идти речь, если при каждой встрече они словно соперничали в том, кто унизительнее охарактеризует другого. Воспоминания вновь встали перед её мысленным взором – взаимные оскорбления и упрёки. Стерва, ведьма, дура... Да уж... небезразлична, это уж точно.

Кэтрин невесело усмехнулась.

– Любовь, ненависть... всё едино. Что бы ни двигало этим человеком, это не имеет значения, потому что мы с Кенне-

том обвенчались! – вдруг радостно сообщила она, обернувшись к горничной. – Отец не сможет отдать меня никому, потому что я уже замужем, Анна!

Девушка ахнула, всплеснув руками, при этом выронила шитьё, и тут же ловко его подхватила, чтобы отложить в сторону. На её лице было написано неверие. И Кэтрин, довольно улыбаясь, утвердительно кивнула, дабы рассеять её сомнения.

– Миледи! Неужели это правда? И что его милость?

– Папенька? Он ничего не сможет сделать, Анна. Мы – венчаны!

– О, миледи, я не была бы так уверена, – осторожно начала девушка, с одной стороны, не желая расстраивать, но, с другой, надеясь предупредить о возможных неприятностях. – Вам нужно заручиться обещанием отца не рушить ваш брак, ведь сэръ Генри бывает суров, даже с вами.

– Папа смирится, вот увидишь.

– Хорошо бы, – улыбнулась Анна и заговорщически произнесла. – Но, миледи, я надеялась, что между нами больше доверия, а вы утаили от меня это событие, а ведь оно так важно для вас.

– Вот именно поэтому я и боялась говорить о нём... чтобы ненароком не испортить всё, ведь об этом знает только Робин Рид, который присутствовал на церемонии, и отец.

– Так значит, вы вышли замуж... так вот отчего все эти вопросы о беременности...

– Вовсе нет, Анна, – тут же возразила Кэтрин и смущённо отвела взгляд. – Мы не были ещё близки, так как хотим получить благословение родителей.

– Вы хотите сказать, что ваш брак не завершён? Леди, вы рискуете! Знаете ли вы, что если ваш отец узнает, что брак не был консуммирован, он легко его расторгнет, на том самом основании, что в действительности, вы так и не стали женой для сэра Кеннета.

Кэтрин затихла, недоверчиво смотря на служанку, вдруг перестала улыбаться и, чувствуя необъяснимую слабость, опустила на стульчик, напротив. Выглядела Кэтрин растерянной.

– Ты уверена?

– Абсолютно, леди, – твёрдо заявила та, наблюдая, как краска схлынула с лица Кэтрин.

Юная госпожа пребывала в унынии. Она тут же подумала, что если отец польстится на предложение Лотера де Тальви, то ей никто не сможет помочь, ведь Кеннет теперь за сотни миль от неё.

В свою очередь, поостыв, Генри Лиднлоу всерьёз задумался о возможности устроить будущее своей дочери, сделав её графиней Бредфорд. Он был удивлён, когда узнал от Финдли, что уходя, Тальви подтвердил ещё раз желание взять Кэтрин в жёны, несмотря на отказ. Молодой и перспективный английский лорд, вполне мог стать хорошей партией для его единственной дочери, но его смущал тот момент,

что первоначально Тальви преследовал цель, разлучить молодых, чтобы заставить Кеннета жениться на своей сестре, а уж потом, под давлением фактов, сделал предложение непосредственно Кэтрин. И в целом его поведение открывало как человека взбалмошного, не в меру эмоционального, склонного к авантюрам, ничем не гнушающимся. Отдавать дочь в руки такого опасного человека сэр Генри не спешил.